

V.I. Sigov

MARXISM, SOCIOLOGY OF CAPITALISM AND ECONOMIC SECURITY OF NATIONAL STATES

Viktor Sigov – Head of Labour Economics Department, Saint-Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor, Saint-Petersburg; **e-mail: dekanat205@yandex.ru.**

The date of 5 May 2018 marks the 200-th anniversary of the birth of Karl Marx and it will undoubtedly raise significant renewed interest in his creative heritage. Should this heritage be considered just a general academic script rather than a revelation given from above one may reveal amazing things. In particular the prognosticated capacity of Marxism turns out to equal to zero level: no world revolution, no consolidation of nations, no withering away of the state has ever taken place. However the idea of global government is still in the air what Marx has received a high appraisal for on the part of modern globalists.

The analysis of Marx's and Engels's view points and scripts devoted to different historic events clearly shows that these authors might be likely classified firstly as political extremists, justifying dismantling any system of statehood by means of global revolution and through dictatorship of proletariat which provides by the way for illegal annihilation of aggrieved non-proletariat, secondly might be referred to as racists who would divide nations into progressive and reactionary peoples which would be subject to merciless terror during global revolution, and thirdly classified as vigorous supporters of Russia phobia who would consider Russia a prison of nations and the European gendarme.

Keywords: *Marxism; capitalism; social parasitism; global revolution; state; periodization of historic process; political control over the economy.*

В.И. Сигов

МАРКСИЗМ, СОЦИОЛОГИЯ КАПИТАЛИЗМА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Виктор Ивглафович Сигов – зав. кафедрой экономики труда ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», доктор социологических наук, профессор, г. Санкт-Петербург; **e-mail: dekanat205@yandex.ru.**

5 мая 2018 года исполняется 200 лет со дня рождения Карла Маркса, что несомненно вызовет всплеск интереса к его творческому наследию. Если рассматривать это наследие как обычный научный текст, а не «данное свыше откровение», вскрываются удивительные вещи. Прогностический потенциал марксизма оказался равен нулю: ни мировой революции, ни слияния наций, ни отмирания государства так и не произошло. Безусловно, идея мирового правительства витает в воздухе, за что Маркс получает высокую оценку современных глобалистов.

Анализ содержания текстов Маркса и Энгельса, посвященных историческим событиям, свидетельствует, что этих авторов со всей очевидностью можно отнести, во-первых, к политическим экстремистам, обосновывавшим слом любой государственности через мировую революцию и пролетарскую диктатуру (означающую, между прочим, незаконное уничтожение несогласных непролетариев); во-вторых, – к расистам, делившим народы на прогрессивные и реакционные (подлежавшие в ходе мировой революции самому беспощадному террору); и в-третьих, – к ярким русофобам, считавшим Россию тюрьмой народов и жандармом Европы.

Ключевые слова: марксизм; капитализм; социальный паразитизм; мировая революция; государство; периодизация исторического процесса; политический контроль над экономикой.

В 2018 году исполняется 200 лет со дня рождения Карла Маркса, что, несомненно, вызовет всплеск интереса к его творческому наследию. Марксизм до сих пор является идейной основой множества действующих в мире коммунистических партий, в том числе и правящих. Всех их объединяет борьба против капитализма, эксплуатации человека человеком. Сейчас это более, чем актуально. В ноябре 2017 года представляющий высшую интеллектуальную элиту Запада Римский клуб опубликовал доклад «Come on! Капитализм, близорукость населения и разрушение планеты». В нем делается однозначный вывод о неизбежности коренной смены парадигмы развития нашей цивилизации. В докладе констатируется, что сегодняшний кризис не циклический, но усиливающийся: «Он не ограничен природой вокруг нас, но включает социальный, политический, культурный, моральный кризис, кризис демократии, идеологии и капиталистической системы».

Римский клуб полагает, что в 80-х годах XX века произошло вырождение капитализма, основным источником прибыли в рамках которого стали финансовые спекуляции. Порядка 98% финансовых операций носят ныне спекулятивный характер. В оффшорах спрятано от 21 до 32 триллионов долларов, в то время как направления, от которых зависит будущее планеты, испытывают дефицит средств. Казалось бы, торжествует историческая правота марксизма. Но так ли это? Если рассмотреть идейные конструкции Маркса как обычный научный текст, а не данное свыше Откровение, получится, что его основные прогнозы не оправдались, а трактовка капитализма только затруднила борьбу с ним.

Необходимо объяснить, почему целый ряд фундаментальных положений марксизма не получил подтверждения в общественной практике. В начале XXI века по сравнению с концом XIX кажутся еще более далекими от реальности такие прогно-

зы, как: 1) неизбежность мировой революции и диктатуры пролетариата, 2) исчезновение противоположности интересов разных народов и слияние наций, 3) отмирание государства. Более того, эти догмы фактически работают на планы международной финансовой олигархии, сформулированные в 1991 году главой Трехсторонней комиссии Д. Рокфеллером: «Сегодня мир более совершенен и предрасположен к созданию единого мирового правительства... Сверхнациональная власть интеллектуальной элиты и мировых банкиров более предпочтительна, нежели право народов на самоопределение, которому мы следовали в течение веков» [7. С. 82–83]. Национальные государства являются главным препятствием для экономической экспансии транснационального капитала, стремящегося установить полный контроль над природными и людскими ресурсами планеты.

Сейчас уже можно уверенно констатировать принципиальную неприемлемость перечисленных положений марксизма, ставящих это учение на службу глобализму. Космополитический характер марксистского учения вытекает из классового подхода к истории общества. Согласно заимствованной Марксом схеме Сен-Симона, развитие общества представляет собой модернизацию способов эксплуатации человека человеком. Первобытнообщинный строй сменяется рабовладельческим, рабовладельческий – феодальным, феодальный – капиталистическим, капиталистический – коммунистическим, который уничтожает деление общества на классы и эксплуатацию.

Поддержанная и освещенная авторитетом Маркса периодизация исторического процесса страдает признанным им самим европоцентризмом. В ответном письме Вере Засулич (впрочем, так и не отправленном адресату), не исключая возможности особого пути перехода России к социализму, Маркс прямо написал, что неизбежность того хода развития общества, который был проанализирован им на приме-

ре Англии, «точно ограничена странами Западной Европы» [8. С. 44]. Свой «Капитал» он рассматривал как очерк происхождения капитализма в Западной Европе и даже поставил под сомнение превращение его в общую теорию социального развития, которой фатально должны подчиниться все народы вне зависимости от конкретных исторических условий. Иными словами, основоположник научного коммунизма не исключил возможности, что при особом стечении обстоятельств можно обойтись и без капитализма. Но рабовладельческая и феодальная общественно-экономические формации тоже имели ярко выраженное европейское лицо, что весьма затрудняло их примерку к истории неевропейских народов.

Античный способ производства остался сугубо Средиземноморским явлением (только отчасти воспроизведенным плантаторами Юга США) в силу специфических природных условий, позволивших эффективно использовать рабский труд в земледелии. Формирование рабовладельческих производственных отношений в античном мире привело к искусственной ломке общины задолго до того, как она исчерпала свою жизнеспособность. Рабство сделало труд свободного земледельца презренным. Историки и экономисты пришли к выводу, что саморазвития античного общества в феодальное быть не могло. «Античный способ производства не давал возможности непосредственно перейти к феодализму... Но раз античное рабство, достигшее наиболее полного развития в Италии, именно там оказалось бессильным само по себе и из себя породить силы для дальнейшего прогрессивного развития..., то вряд ли можно считать античный рабовладельческий способ производства обязательным этапом на магистрали всемирного исторического развития. Скорее, он был ответвлением, порожденным специфическими условиями исторической среды, в которой возник» [19. С. 312–313]. Такие выдающиеся историки античности, как О. Шпенглер, Э. Майер, М. Ростовцев придерживались концепции «античного капитализма», что подтверждает своеобразие

этого феномена и указывает на тесную связь капитализма с рабством. Кстати, в современном мире оказавшихся в рабстве людей гораздо больше, чем во времена античности.

Несравнимо более распространенным явлением оказался так называемый «азиатский способ производства», который, однако, был характерен не только для Древнего Востока, но также для Африки и Америки до их столкновения с европейской цивилизацией. Ученые на большом фактическом материале выявили следующие особенности этого способа производства: 1) особая роль государства в хозяйственной жизни, организующего производство и осуществляющего распределение основных жизненных средств среди населения; 2) государственная трудовая и военная повинность; 3) почти полное отсутствие частной собственности на средства производства; 4) неразвитость внутреннего рынка и второстепенная роль товарообмена, охватывавшего в основном предметы роскоши [16].

Высокий уровень централизации государств Древнего Востока объяснялся необходимостью создания и постоянного поддержания в исправном состоянии сложной системы ирригационных сооружений. В то же время в древней Месопотамии и доколумбовой Мексике ирригация не играла определяющей роли, но и здесь были воспроизведены основные черты «азиатского способа производства». Эти же черты оказались присущи социалистическим и многим развивающимся странам XX века, что свидетельствует об их укорененности в историческом процессе.

Анализ «азиатского способа производства» показывает всю условность как надстроечной трактовки государства, так и абсолютизации классового подхода. Если в Европе классовое размежевание шло через складывающуюся систему отношений частной собственности, то критерий выделения правящего слоя древних деспотий был иным. Не собственность на средства производства определяла место господствующей элиты в иерархии, а наоборот, место в иерархии определяло эко-

номическое положение «функционеров». Правящая верхушка эксплуатировала крестьян-общинников не на основе имущественных отношений, а на основе своей функциональной роли в управлении обществом и его экономикой. Для управления нужны знания. Поэтому управленческий слой, как правило, непрерывно пополнялся через систему экзаменов и конкурсов. Таким образом, он представлял собой скорее профессиональную группу, чем общественный класс.

Из рассмотрения античного и азиатского способов производства нужно сделать вывод, что на магистрали всемирного исторического процесса после первобытнообщинного строя находилась не рабовладельческая общественно-экономическая формация, а возникшая государственная организация общества. **Сначала род, а затем государство стали универсальными формами сохранения и развития социума.** За небольшим исключением труд рабов не играл в экономике появляющихся государственных образований существенной роли. Рабы были преимущественно домашней челядью. Первые государственные хозяйственные системы не без оснований назывались патриархальным социализмом. Вся экономическая жизнь направлялась государством, олицетворенным в царе.

Как история античности не может быть сведена к отношениям рабов с рабовладельцами, так и классический западноевропейский феодализм отнюдь не исчерпывается крестьянскими войнами против феодалов. Верно подметил суть феодализма И.Л. Солоневич: «основная черта феодального строя – дробление государственного суверенитета, исчезновение идеи единой общенациональной власти... Феодал правит не «во имя» нации, народа, крестьян. Он правит только и исключительно в своих собственных интересах... Власть феодала есть власть помещика, присвоившего себе, помимо крестьянской земли и крестьянского труда, еще и прерогативы верховной власти и по отношению к крестьянину, и по отношению к другому феодалу. Этого не было ни в Греции, ни в Риме, ни в Китае, ни в Рос-

сии» [17. С. 266, 267]. Именно отсутствие сильной централизованной власти в период феодальной раздробленности открыло полный простор классовой борьбе в средневековой Европе, что и создало преувеличенные представления о ее значении в истории человечества. Поэтому феодализм – это не этап в развитии общества, а его регресс, вызванный распадом империй.

Маркс под завесой самой резкой критики капитализма внедрил представление о нем как о якобы прогрессивной общественно-экономической формации. Триумфальная победа Ельцина на первых президентских выборах объяснялась среди прочего и тем, что голосовали за хороший капитализм, так сказать, «с человеческим лицом». Однако капитализм в действительности представляет собой смертельную болезнь общества, проявляющуюся в коммерциализации всех сторон его жизни через ростовщичество, работоторговлю, наемничество, коррупцию, спекуляции, игорный, нарко- и порнобизнес, мошенничества и финансовые махинации. Лечить эту болезнь способна только сильная государственная власть.

Еще древнегреческий мыслитель Аристотель разделил хозяйственную деятельность на два противоположных вида: 1) направленную на удовлетворение потребностей и 2) служащую приращению имущества. В стремлении к приращению имущества или наживе Аристотель справедливо видел опасность для нормального хода общественной жизни. Нажива, как правило, связана с социальным паразитизмом, когда обогащение одних лиц идет за счет и в ущерб другим.

Капитал давно определен как самовозрастающая стоимость. По мнению Маркса, причина самовозрастания заключена в присвоении неоплаченного труда наемных рабочих. Однако феномен самовозрастания денег замечен задолго до появления самих наемных рабочих. Еще в Ветхом завете содержится упоминание о ссудном проценте, позволяющем без прямого насилия захватывать имущество отдельных лиц и целых народов. Во Второ-

законии оказано: «Ты будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы и господствовать будешь над многими народами, а они над тобою не будут господствовать» (15.6: 28, 11-12). Именно ростовщичество явилось тем семенем, из которого вырос современный капитализм во главе с международной финансовой олигархией.

Ростовщический капитал явился ускорителем технократического развития европейской цивилизации. Ускоренный рост обеспечивался бандитизмом первоначального накопления. В результате капиталистическая Европа стерла с лица Земли народы и цивилизации обеих Америки и Австралии, ограбила Африку и Азию и развязала две мировые войны.

Современной наукой установлен бесспорный исторический факт первостепенной важности (о котором, надо сказать, не мог не знать и Маркс): наличие тайного интернационального картеля ростовщиков, возникшего задолго до образования явных промышленных картелей. Поэтому история капитализма проходит следующие ступени: 1) возникновение и развитие ростовщичества, 2) формирование международного тайного картеля ростовщиков, 3) распространение его власти на всю мировую банковскую систему в целом, 4) подчинение мирового хозяйства монополизированной банковской системе.

Монополия в банковском деле открыла возможность поставить под контроль всю промышленность, торговлю и транспорт. Используя кредит как безотказное средство вторжения в управление предприятиями и скупая контрольные пакеты акций, банковский капитал постепенно захватил командные высоты в экономике. Посредством сращения банковского и промышленного капиталов возникал капитал финансовый при главенстве банковского.

Самый известный промышленник мира Генри Форд, сделавший необыкновенно много для индустриального развития США и сохранивший в течение всей своей деловой карьеры независимость от банков, прямо противопоставлял промышленный капитал как конструктивную

экономическую силу паразитическому финансовому капиталу. «Связь с банками является бедой для промышленности. Банкиры думают только о денежных формулах. Фабрика является для них учреждением для производства не товаров, а денег... Банкир, в силу своей подготовки, и, прежде всего, по своему положению совершенно не способен играть руководящую роль в промышленности... И все-таки банкир практически господствует в обществе над предпринимателем посредством господства над кредитом» [18. С. 144]. Отсюда следует важный вывод: если промышленный предприниматель связан удовлетворением общественных потребностей, то банкира интересует только прибыль и власть.

Видный социал-демократ Р. Гильфердинг считал неизбежной победу космополитического финансового капитала над «местноограниченным» промышленным. Этой победе призваны способствовать левые радикалы, провоцирующие «когда надо» стачки и социальные потрясения, которые разоряют промышленников и резко повышают спрос на банковский кредит, усиливая финансистов. Например, в России в период революционного хаоса 1905–1906 гг. прибыль коммерческих банков увеличилась больше, чем вдвое. Похожая ситуация складывалась и на Западе в период Великой депрессии 1929–1933 гг. По мнению Гильфердинга, экономическая анархия, порождаемая свободной конкуренцией, должна быть вытеснена монополией, которая сможет планировать объем производства во всех отраслях, произвольно устанавливая цену на продукцию. «Финансовый капитал хочет не свободы, а господства. Он не видит смысла в самостоятельности индивидуального капиталиста и требует ограничения последнего. Он с отвращением относится к анархии конкуренции и стремится к организации» [4. С. 432]. Если победа либерализма означала уменьшение силы государственной власти, то в дальнейшем намечается тенденция к тотальной организации всей общественной жизни. Будущий социально-экономический строй Гильфердинг обозначил как «тоталитар-

ное государство» или всемирный государственно-монополистический капитализм с плановой экономикой, одинаково враждебный как рабочему, так и «местноограниченному» предпринимателю.

Видимо не случайно автор изданной в СССР в серии «Жизнь замечательных людей» хвалебной биографии Маркса мондиалист Жак Аттали отдает тому должное за саму идею мирового правительства. Другое дело, что его уже будет формировать не пролетариат, давно оставивший позиции класса-гегемона, которому уже есть, что терять и незачем объединяться во всемирном масштабе, а международная финансовая олигархия, представляющая собой не класс, а организованную преступную группировку.

Принципиальная ошибка Маркса (если мы продолжаем рассматривать его как ученого, а не пропагандиста будущего всемирного тоталитарного государства) заключалась в том, что он однозначно связал капитализм с этапом индустриального развития общества, обозначив в качестве основных эксплуататоров промышленных предпринимателей. При этом надо отметить неопределенность самого термина «эксплуатация». Эксплуатация означает использование. Но в условиях разделения труда все участники трудового процесса фактически используют друг друга. Промышленный предприниматель также использует труд наемных рабочих, как наемные рабочие – труд предпринимателя. Предприниматель, распоряжаясь средствами производства, несет персональную ответственность за непрерывное течение производственного процесса и своевременную и выгодную реализацию произведенной продукции. Для этого он должен обладать квалификацией специалиста в области конкретной технологии производства и квалификацией управленца, без которой опрометчиво идти на риск организации предприятия.

Следует разделять понятия «работодатель», «капиталист» и «предприниматель». Работодателем выступает и наниматель домашней прислуги, поэтому содержание предпринимательства не может

быть сведено только к найму рабочей силы и отношениям с наемными работниками. К тому же, профессиональный предприниматель (менеджер) сам является наемным работником. Капиталист есть, строго говоря, инвестор капитала, которого даже Малая советская энциклопедия 30-х годов отличала от предпринимателя: «предприниматель противопоставляется, с одной стороны, рабочим, которых он эксплуатирует, с другой стороны, денежным капиталистам, которые не ведут предприятия, а отдают в ссуду капитал» [9. С. 629]. Решающим для предпринимателя является не то, что он обладает собственным или чужим капиталом, а то, как он этим капиталом распорядился. Согласно Й. Шумпетеру, функциональная сущность предпринимателя заключена в его особой роли: осознании и реализации новой комбинации факторов производства. Предприниматель, реализуя нововведения, обеспечивает экономический рост. Таким образом, предпринимателем становятся не столько благодаря своему имуществу, сколько в силу своей предпринимательской квалификации и управленческих способностей.

По аргументированному мнению Г.Н. Александрова, «тезис Маркса о приращении капитала только вследствие взаимодействия труда рабочих со средствами производства изначально ошибочен. Приращение капитала происходит в результате взаимодействия труда предпринимателей и наемных работников (технической интеллигенции и рабочих) со средствами производства» [1. С. 20]. Разделив процент и предпринимательский доход денежного капиталиста и капиталиста функционирующего, Маркс не сделал того же в отношении паразитизма и эксплуатации. Нарисовав чудовищную картину наемного рабства в современной ему английской промышленности (где рабочий день доходил до 18 часов и использовался труд детей с 6-летнего возраста), он придал предпринимателям еще более криминальный характер, чем ростовщикам (хотя, по сути, такого рода организаторы производства представляли собой рабовладельцев). Его трактовка «тайны

эксплуатации» пролетариата дискредитировала в целом прогрессивные явления предпринимательства и вольного наемного труда. Между тем сам Маркс в «Критике Готской программы» показал, что рабочий не может претендовать на всю созданную им стоимость, поскольку необходимы отчисления в фонды общественного потребления. Иными словами, неоплачиваемая часть трудового вклада работников связана, в том числе, с потребностями содержания обществом различных институтов, находящихся вне сферы материального производства: госаппарата, армии, школ, больниц и т.д.

Противоречия между классами не носят антагонистического характера. Если классовая борьба не находит разумного исхода, общество может погибнуть (К. Маркс). Понятно, что ни один класс не захочет подвергнуть себя уничтожению (И.В. Сталин). В принципе рабовладельцы (если они мыслят по-хозяйски, на перспективу, а не озабочены лишь сиюминутной выгодой) должны быть заинтересованы в нормальном содержании рабов, помещики – в процветании хозяйств крепостных крестьян, предприниматели – в хороших условиях труда и высокой покупательной способности наемных рабочих. Эксплуататоры, чье самодурство простирается до непонимания своей зависимости от эксплуатируемых, получают классовую борьбу, восстанавливавшую нарушенный баланс социальных интересов. Одним из постоянных факторов классового противостояния выступает кредитная зависимость предпринимателей. Именно высокие проценты по займам как раз и поднимают норму эксплуатации выше допустимого уровня.

Действительно, антагонистические противоречия обусловлены явлением социального паразитизма, заключающимся в присвоении жизненных благ в ущерб и во вред обществу. Социальный паразитизм имеет внеэкономическую и экономическую формы. Внеэкономическая форма проявляется в прямой экспроприации чужого имущества – воровстве, вымогательстве, грабеже, рейдерстве, захватнических войнах. Экономическая

форма возникает на основе товарно-денежных отношений. С одной стороны, деньги, обеспечивая более высокие темпы продуктообмена по сравнению с максимально достижимыми в меновой торговле, выступают ускорителем экономического развития. С другой стороны, те же деньги отчуждают человека от сущности труда, разрывая единство обязанности созидать и права потреблять. Потребление становится возможным без созидания, а категория потребности вытесняется категорией платежеспособного спроса (неминуемо приводящего к выпуску фальсифицированной и смертельно опасной продукции). Там, где спрос не отражает разумных (физически и нравственно здоровых) потребностей, образуется раковая опухоль капитализма, ведущая к деградации общества. Коммерциализация, проявляющаяся в разрастании прослойки социальных паразитов, оказывает негативное влияние на мораль общества и экономику государств. Поэтому вполне закономерно, что мировые религии осуждают ростовщичество и иные формы социального паразитизма. Как справедливо заметил Папа Римский Франциск: «В центре нынешней, лишенной всякой этики экономической системы находится идол, именуемый деньгами, в то время как Бог хотел, чтобы в центре ее был человек».

Капитализм есть псевдотоварно-денежная форма социального паразитизма. Начав анализ капитализма с исследования товара, Маркс определил его как продукт труда, предназначенный для удовлетворения потребностей и произведенный для обмена, не упомянув об обязательной разумности этих потребностей. **Деструктивный капиталистический бизнес начинается с того, что на рынок выносятся вещи, которые по своей природе товарами быть не могут: деньги, земля и люди.** Спекуляция этими псевдотоварами и составляет базу социального паразитизма. Сущность капиталистического управления экономикой сводится к легализации многообразных форм нетрудового обогащения.

Появление денег как общественных средств платежа, служащих для обмена

товарами и услугами, сделало возможной специализацию и способствовало экономическому развитию. Однако торговля деньгами, перекрывая их свободную циркуляцию и извлекая из этого выгоду, превращает деньги из слуг общества в его господ. Ростовщичество создает своеобразный частный «таможенный пункт», на котором те, у кого денег недостаточно, платят пошлину тем, у кого их избыток. Ссудный процент перераспределяет общую платежеспособность общества в пользу корпорации кредиторов. В результате растет спрос на предметы роскоши и падает на предметы первой необходимости, структура экономики перестает отвечать общественным потребностям, и все больше людей становятся ненужными и маргинализируются, превращаясь в социальный резерв криминалитета.

Форма собственности на землю представляет собой ключевую мировоззренческую проблему. Земля – это не только средство производства, но и жизненное пространство народа, его Дом. Поэтому важная функция государства – защита территории расселения народа. Земля каждого народа та, которую он сумел освоить и закрепить за собой в ходе исторического процесса, захватнических и оборонительных войн. Следовательно, объективно как природно-историческая категория земля с ее недрами, лесами, водами, воздушным пространством и ресурсами биосферы является общенародным достоянием, то есть принадлежит прошедшим, ныне живущим и будущим поколениям. Проходившая еще в 1979 году в Риме международная конференция по аграрной реформе констатировала, что проблема голода в мире связана с куплей-продажей земли, ведущей к обезземеливанию крестьянства. Поэтому борьба за землю всегда была ведущим мотивом крестьянских восстаний. Все крупные революции XX века опирались на крестьянство: в Мексике (1910 год), в России (1917 год), в Китае (начиная с 1921 года), во Вьетнаме и Алжире (1954 год), на Кубе (1958 год). Торговля землей, как и торговля деньгами, является постоянным фактором катастрофизма общественного разви-

тия.

Третья ипостась капитализма – торговля людьми, завуалированная под продажу рабочей силы. Развитие промышленности требует не рынка рабочей силы, а государственной политики занятости, обеспечивающей гарантии прав наемных работников. Поэтому во всех развитых странах модель «капиталист – наемный рабочий» трансформирована в модель «государство – организации предпринимателей – профсоюзы». Когда закон начинает определять размеры минимальной оплаты труда, длительность рабочего дня и отпуска, положения по технике безопасности и охране труда, противодействует нелегальной занятости и т.д., «свободный» рынок труда становится атрибутом исключительно теневой экономики и питает проституцию, наемничество, продажу человеческих органов и другую уголовщину. Разновидностью торговли людьми выступает коррупция. Капитализм культивирует продажность национальных элит, превращая их в компраторов. Поэтому под капиталистическими следует понимать такие страны, которые правящие круги полностью сдали на разграбление спекулятивному капиталу.

Здесь необходимо особо подчеркнуть неправомочность термина «государственный капитализм». Именно им козыряли и козыряют истинные марксисты, обличая ранее СССР, а теперь Китай. **Социальная суть государства заключена, прежде всего, в защите населения страны от внутреннего и внешнего насилия.** Поэтому жертв самого государства всегда на порядок или несколько порядков меньше, чем от его разрушения. Исключения составляют понесшие поражение государства-агрессоры (как Германия и Япония в 1945 году) и страны, находящиеся под внешним управлением (как Россия в 90-е годы и Украина сейчас). Здесь стоит отметить, что в своем неприятии государства Маркс объявляет даже обеспечиваемую им безопасность – гарантией эгоизма гражданского общества [10. С. 401]. Надо сказать, что этот эгоизм был успешно преодолен навеянным марксизмом (вместе с маоизмом) полпотовским экспери-

ментом в Кампучии, унесшим порядка 3 миллионов жизней. Самостоятельная государственная власть всегда ставит определенные рамки социальному паразитизму внутри страны, без чего ее развитие невозможно. То есть государство, чтобы сохраниться, должно ограничивать, а еще лучше изживать капитализм, а не поощрять его.

Не случайно, нигде в мире нет капиталистических партий, а в странах с частной собственностью на средства производства слову «капитализм» предпочитают термин «социальная рыночная экономика». Главное, по мнению Маркса, противоречие товарного производства – между его общественным характером и частной формой присвоения – разрешается на основе вмешательства государства. Создание государственного сектора экономики и перераспределение национального расхода через госбюджет на социальные нужды стабилизирует воспроизводственные процессы. По словам Гэлбрейта, «ясно, что К. Маркс не предвидел ни "революции благосостояния", ни "кейнсианской революции"» [6. С. 58], то есть перехода к государственному регулированию экономики, обеспечившему социальные гарантии трудящимся. Государственная финансово-кредитная система ограничивает возможности вмешательства в национальную экономику со стороны международных банков, препятствуя тем самым повышению уровня эксплуатации своего населения. Поэтому и рабовладение, и феодализм, и капитализм, если взять суть этих явлений, – это отнюдь не этапы в развитии общества, а различные формы расчеловечивания людей.

В качестве идеального общественного устройства Маркс называет коммунистический способ производства. Communis значит общий. И если понимать под коммунизмом сознательное обеспечение приоритета общественных интересов перед частными, то возражений не возникнет (так, настоящим коммунистом советские люди считали не обладателя партбилета, а того, кто подчиняет личные интересы общественным и способен на самопожертвование во имя общего блага). Но Маркс

сформулировал такие признаки коммунизма, которые вызывают недоумение. «На высшей фазе коммунистического общества, после того, как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, – лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: "Каждый по способностям, каждому по потребностям"» [13. С. 20].

Во-первых, если исчезнет подчинение человека разделению труда, то лозунг «Каждый по способностям» останется пустой фразой. Именно разделение труда, являясь важнейшим фактором общественного развития, дает возможность каждому человеку участвовать в том виде деятельности, который отвечает его способностям. Исключать зависимость человека от его профессиональной подготовки, сроки которой с увеличением сложности труда постоянно растут, утопично.

Во-вторых, известная противоположность между умственным трудом, продуктом которого выступают идеи и образы, и физическим трудом, непосредственно воздействующим на предметный мир, не исчезнет никогда. Может исчезнуть только противоположность между работниками преимущественно умственного и преимущественно физического труда.

В-третьих, полагать, что любой труд станет первой потребностью жизни, может только гуманитарная и художественная интеллигенция, имеющая привилегию заниматься свободной игрой интеллектуальных сил. Как установлено практиками управления, «для большинства людей наказанием является необходимость мыслить. Идеальной представляется им работа, не предъявляющая никаких требований к творческому инстинкту» [18. С. 89]. Для таких людей труд всегда останется

средством для жизни, а возможности удовлетворения творческих потребностей они найдут вне сферы служебных обязанностей.

В-четвертых, демографический взрыв и экологический кризис неизбежно поставят народы перед необходимостью самоограничения. Поэтому мечты об изобилии, когда каждому по потребностям (а далеко не каждый обладает скромностью желаний), не имеют достаточных оснований. Тем более, что о разумности этих потребностей Маркс ничего не написал.

Согласно марксизму, коммунизм – «царство свободы, где свободное развитие каждого стало бы необходимым условием свободного развития всех» (отсюда, кстати, вытекает приоритет прав человека перед правами социума). Но то, что понимает под своим свободным развитием моральный урод (а таковые никогда не переводятся), никак не может стать условием свободного развития других людей. По Марксу, коммунизм – это заранее заданный счастливый финал перенесенных людьми испытаний, за которым вечное блаженство. Такая постановка цели общественного развития превращает марксизм в разновидность вероучения и неприемлема в науке.

Теоретической основой, выдвинутой Марксом схемы развития человечества, выступает учение об общественно-экономической формации. Общественно-экономическую формацию составляют экономический базис и политико-идеологическая надстройка. Под экономическим базисом подразумевается способ производства, который включает производительные силы и производственные отношения. В свою очередь, производительные силы состоят из трудящихся и средств производства.

Надо, наконец, признать ущербность самой категории «производительные силы», где человек сведен к своей экономической функции, к работнику, приводящему в движение средства производства. Такой подход не учитывает личностного фактора (высококвалифицированный специалист при отсутствии нравственных качеств может быть плохим работником) и

противоречит рассмотрению человека как цели производства. Марксизм, постулируя всестороннее развитие индивидуумов при коммунизме, полагает, что оно будет обеспечено способом соединения работников со средствами производства. Как справедливо заметил М.Ф. Антонов, такой вульгарный примат экономических отношений аналогичен сведению всей культуры к подавлению полового влечения в психоанализе Фрейда [2. С. 144.].

Как абсолютизация классовой борьбы с ее отрицанием религии как «опиума народа» была идеологическим фундаментом всех политических извращений в ходе гражданской войны и социалистического строительства в России (достаточно вспомнить указание газеты «Красный террор» от 1 ноября 1918 года местным органам ЧК: «Не ищите в деле обвинительных улик; восстал ли он против Совета с оружием или на словах. Первым делом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы и должны разрешить судьбу обвиняемого.»), так утилитарный подход к человеку как фактору производства влек за собой стратегические просчеты в экономике. **Доминирование стоимостных критериев развития над натуральными (то есть затрат труда над его результатами) привело к тому, что человек вместо цели производства стал средством достижения экономического роста и прибыли, что и обусловило нынешний мировой кризис.** В реальной действительности не существует неких работников с машинами и механизмами, а есть люди в семьях и без семей, соединенные в конкретную историческую форму общности и государственности, и социальные условия их жизнедеятельности, также не сводимые только к средствам производства.

Производственные отношения делятся на два вида. С одной стороны, это отношения совместной деятельности и обмена деятельностью, вытекающие из кооперации и разделения труда. С другой стороны, это отношения собственности, определяющие способ соединения работ-

ников со средствами производства и классовую структуру общества. Исходя из постулата о классовой борьбе как движущей силе истории, марксизм настаивает на главенстве отношений собственности, хотя первичными являются отношения совместной деятельности и обмена деятельностью.

Наступление коммунизма Маркс связывал с упразднением частной собственности. Но заменить ее должна отнюдь не общественная (как думали советские люди), а индивидуальная собственность «на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства» [14. С. 772–773]. Именно это и произошло в постсоветской России, когда колхозникам раздали земельные паи, а всему населению еще и ваучеры. Однако «ассоциации свободных производителей», как прогнозировал Маркс, почему-то не случилось. Может современные марксисты как-то прояснят этот вопрос?

Следует признать несостоятельность взглядов на собственность как об источнике зла и социальных бед или как о безусловном гаранте процветания. Реальное содержание отношений собственности раскрывается в управлении. Общепринятой в настоящее время точкой зрения является та, что эффективность производства зависит не от формы собственности, а от качества управления. По Гэлбрейту, «власть в экономике некогда была основана на владении землей, затем она перешла к капиталу, и, наконец, в наше время источником власти служит тот сплав знаний и опыта, который представляет техноструктура». Ныне в крупных корпорациях выступающий от имени собственников совет директоров является «инструментом в руках управляющих» [5. С. 186, 194]. Отсюда неуклонно ускоряющийся последние десятилетия рост оплаты труда топ-менеджеров. Суть дела не в том, кто номинально владеет капиталами и продолжает их наращивать, считая своими, а в том, в чьих интересах эти капиталы используются, чьим тактическим и стратегическим целям служат, и кто обладает реальной властью направлять их движе-

ние. Таким образом, при исследовании производственных отношений главное внимание должно быть уделено не отношениям собственности (и не отношениям рыночного обмена), а отношениям управления, которые как советская, так и западная экономическая наука в духе либерально-марксистской традиции долгое время относил к надстроечным, а следовательно, второстепенным.

Именно упор на имущественных отношениях, являющихся вторичными, привел к одностороннему взгляду на человеческую историю как историю борьбы классов. Это принизило значение развития исторических форм общности людей на основе отношений совместной деятельности и обмена деятельностью. Однако, недооценивая генеральную линию общественного развития от родоплеменного объединения к народности и от народности к нации, невозможно решить поставленную в марксизме проблему всестороннего развития человека, ибо человек формируется в первую очередь через приобщение к национальной культуре, обеспечивающей преемственность исторического развития и закрепление положительного опыта каждого народа.

Согласно учению об общественно-экономической формации, над экономическим базисом, то есть работниками со средствами производства и способом их соединения, возвышается политическая и идеологическая надстройка, которая вторична, определяется базисом, но может в отдельных случаях опережать его, способствуя прогрессивным преобразованиям. В реальности эта схема не выдерживает элементарной проверки. Так, культура и государственность отнесены к надстройке. Но без культуры нет человека, а государство практически на протяжении всей истории народов, вышедших из первобытного состояния, оказывало определяющее влияние на хозяйственную жизнь вообще и способ соединения работников со средствами производства, в частности. Надстроечный характер оно приобретало лишь в период феодальной раздробленности и утраты суверенитета. Однако в этих случаях форма государства переставала

отвечать своему содержанию.

Обосновывая материалистическое понимание истории, Маркс и Энгельс дали ему следующие основания: «Это – действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью» [11. С. 18]. Здесь пропущена одна важная деталь: не просто индивиды, а их сообщество. Образование сообществ как способ сохранения биологического вида широко распространено в живой природе. Но с появлением человека с его речевым обменом информацией произошел качественный скачок в принципах организации и развития образуемых им коллективов. Поэтому деятельность индивидов не самопроизвольна, а должна быть организована. По словам самого Маркса, «всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного организма в отличие от движения его самостоятельных органов» [14. С. 342]. Поэтому общественное разделение труда начинается с выделения управленческой деятельности из непосредственно производительной.

От качества управления зависит не только продуктивность труда, но сохранение и развитие конкретной социальной общности людей во взаимодействии с окружающей природной средой и другими общностями. Следовательно, управление выступает важнейшей функцией в иерархии общественно-полезной деятельности, предъявляющей особые требования к тем, кто ее выполняет. Вывод Маркса о диктатуре пролетариата содержит внутреннее противоречие: с одной стороны, развитие промышленности углубляет разделение труда между рабочими, специалистами и управленцами, а, с другой стороны, этот же процесс готовит рабочих к насильственному захвату функций управления, к ко-

торым они не подготовлены.

Интересно, как Маркс описывает рабочего: «Человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций – при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще расположась у себя в жилище, украшая себя и т.д., а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным» [15. С. 91]. Что же должно произойти, чтобы вместить в него компетенции осуществляющего диктатуру члена мирового правительства?

Надо добавить, что по мере перехода от индустриального общества к информационному роль промышленных рабочих падает, а их численность сокращается как абсолютно, так и относительно. Уже в конце XX века в США «синие воротнички» составляли лишь 18% всех занятых, тогда как «управляющие и специалисты» – 34%. Похожая картина и во всех развитых странах мира.

Современная психологическая наука выделяет людей с психологией ведущих и ведомых. Это же подтверждается практикой. По наблюдениям Г. Форда: «Подавляющее большинство желает оставаться там, где оно поставлено. Они желают быть руководимыми, желают, чтобы во всех случаях другие решали за них и сняли с них ответственность. Поэтому главная трудность состоит не в том, чтобы найти заслуживающих повышения, а желающих получить его». Желавших и могущих руководить, согласно оценке Форда, едва ли более 5 процентов [18. С. 86]. По данным одного из опросов в ФРГ, своими хозяевами были довольны 60% рабочих и служащих, неудовлетворение высказывали 13%, а 15% опрошенных от оценки воздержались. Независимо от позитивного или негативного отношения к шефу, поменяться с ними местами не пожелал никто [3. С. 35–36]. Таким образом, общество – это не механический агрегат взаимозаменяемых индивидов, а сложная социальная система, положение в иерархии которой во многом определяется особенностями психологического склада людей.

Догма о прогрессивности буржуазии

привела Маркса и Энгельса в «Манифесте Коммунистической партии» к такому выводу: «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров, она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены (продолжают уничтожаться с каждым днем). Их вытесняют новые отрасли промышленности, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света... На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга» [12. С. 434–435].

Прямо противоположное мнение на этот счет высказал в начале XX века Г.Форд: «Внешняя торговля приводит ко многим заблуждениям. Следует пожелать, чтобы каждая нация научилась, насколько возможно, сама удовлетворять свои потребности. Вместо того, чтобы стремиться установить зависимость других наций от продуктов нашей промышленности, нам следовало бы желать, чтобы каждая нация создала бы собственную промышленность и собственную культуру, покоящуюся на твердом основании. Когда каждая нация научится производить те вещи, производство которых ей под силу, тогда мы постепенно дойдем до того, что станем служить друг другу в тех специальных областях, где отсутствует конкуренция... Если туземцы Африки начнут разводить свой собственный хлопок, население России само займется производством сельскохозяйственных машин, а Китай будет в состоянии сам удовлетворять свои потребности, то это, конечно, будет большой переменной; но разве... мир в состоянии еще долго устоять на современных началах, когда немногие нации снабжают весь мир?.. Человеческая раса не будет вечно состоять из эксплуататоров и эксплуати-

руемых. Это ненадежное положение вещей будет сохраняться до тех пор, пока мы не станем одновременно продавцами и покупателями, производителями и потребителями, поддерживающими это равновесие не ради прибыли, а ради взаимных услуг» [18. С. 190–192].

Таким образом, если, согласно марксизму, буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка должна сбить все человечество в «единое стадо», а мировая революция передать бразды правления над ним в руки пролетариата цивилизованных стран Запада (на помощь которому в общем руководстве придут интеллектуалы типа Маркса и Энгельса), то, по мысли Форда, уничтожение эксплуатации возможно при условии, когда все народы Земли создадут свою промышленность и свою культуру и будут уметь обходиться собственными силами. Сейчас, несмотря на эксцессы глобализма, стирающего один государственный суверенитет за другим, нет никаких оснований сомневаться в правоте Г. Форда. Именно проведение индустриализации и переход к существованию за счет продуктов собственного производства освободил Россию, Китай, Индию и многие другие страны от эксплуатации посредством неэквивалентной внешней торговли. И только постепенная утрата политического контроля над экономикой и последовавшее затем разрушение государственности СССР вновь поставили Россию в зависимое положение.

В своем глубоком исследовании «Маркс против русской революции» (М., 2008) С.Г. Кара-Мурза на основе анализа весьма красноречивых, но малоизвестных широкой публике текстов классиков убедительно доказал, что **Маркс и Энгельс, во-первых, политические экстремисты, обосновывавшие слом любой государственности через мировую революцию и пролетарскую диктатуру (означающую, между прочим, незаконную зачистку несогласных непролетариев); во-вторых, расисты, делившие народы на прогрессивные и реакционные (подлежавшие в ходе мировой революции самому беспощадному террору) и пони-**

мавшие под прогрессом прирост благосостояния Запада за счет всего остального мира; и в-третьих, ярые русофобы, считавшие Россию тюрьмой народов и жандармом Европы.

При этом Маркс невольно оказал России одну неоценимую услугу. Его труды сформировали Ленина как политика, изменившего ход мировой истории и давшего новый импульс развитию человечества. Правда, для чего ему, человеку, слава Богу, русской культуры пришлось отказаться от большей части идейного багажа учителя. Верность духу и букве марксизма сохранил другой политик – Троцкий, в конце жизни готовивший поражение СССР в грядущей войне, то есть ставший на сторону Запада против России, что и завещали классики. Обвиняя Сталина в «преданной революции», Троцкий особо возмущался отменой связанных с социальным происхождением ограничений, реабилитацией института семьи и запретом аборт, приостановкой антицерковной пропаганды.

Единственным положительным результатом погрома СССР стало освобождение общественного сознания России от морока марксизма. Неистовая вера в Маркса опиралась на беспрецедентные успехи Страны Советов, но ими мы обязаны не Марксу, а Сталину. Любая революция – это не заря новой жизни, а закат старой, вызванный в первую очередь деградацией правящей элиты. Новая жизнь начинается с созидания, с переходом к ее строительству, для чего необходимо подавить революционное безумие масс. Именно этим и пришлось заняться сначала Ленину, а потом Сталину.

Попытки найти объяснения как исторических, так и современных событий с помощью марксизма обречены на провал. Все кризисы XX и XXI веков были не стихийно циклическими, а (начиная с создания Федеральной резервной системы в США) управляемыми, ведущими к мировым войнам и цивилизационной катастрофе. После хрущевской клеветы на Сталина из КПСС был вынут идеологический стержень, что и привело к ее полной и безоговорочной капитуляции в августе 1991

года. Марксизм-ленинизм социалистических стран Восточной Европы и СССР, отказавшись от сталинизма, начисто проиграл идеологическую борьбу буржуазному либерализму. Весьма характерна одобрительная реакция на «арабскую весну» члена редколлегии газеты «Советская Россия», правоверного марксиста А. Фролова, увидевшего в ней не геополитическую, а классовую подоплеку. Поэтому давно надо оставить марксизм историкам науки. В политике он абсолютно не пригоден.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Г.Н. Социалистическая идея и марксизм. М., 1991.
2. Антонов М.Ф. Ложные маяки и вечные истины. М., 1991.
3. Верхан П.Х. Предприниматель. Его экономическая функция и общественно-политическая ответственность. Минск, 1992.
4. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М.–Л., 1959.
5. Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. М., 1969.
6. Гэлбрейт Д. Плюсы и минусы общества потребления // Проблемы мира и социализма. 1989. № 11.
7. Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Битва за Россию. СПб, 1993.
8. К. Маркс и Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.
9. Малая советская энциклопедия. М., 1931.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
16. Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971.
17. Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 1991.
18. Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М., 1989.
19. Штаерман Е.М., Трофимов М.К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. Италия. М., 1971.